

НИКОЛАЙ ПАНЧЕНКО:

Культура. - 2001. - 20 - 26 сент. - с. 4

К "гипотетическому" будущему мы готовы больше, чем к настоящему

В этом году исполняется сорок лет со дня выхода в свет знаменитого альманаха "Тарусские страницы". Его авторы — тогда либо начинающие, либо на долгий срок отлученные от читателя, — сегодня являются гордостью русской литературы. У нас в гостях — редактор альманаха, известный поэт, фронтовик Николай ПАНЧЕНКО. Его последнюю книгу "Слово о великом стоянии", в которую вошли стихи и специально написанные для этого издания воспоминания, готовит к публикации Международный Литературный фонд при поддержке издательства "Слово/Slovo".

— Николай Васильевич, когда осторожные редакторы "продерживали" ваши книги, верили ли вы, что все-таки настанет иное время?

— Мы не думали, что до этого времени доживем. Но понимали, что готовиться к нему надо.

— Говоря "мы", кого вы имеете в виду?

— Нашу группу, а проще — "кухню". Тогда у каждого была своя "кухня". У Надежды Яковлевны Мандельштам — тоже, и туда входили такие, например, люди, как отец Александр Мень, Андрей Синявский, владыка Иона, Варлам Шаламов, Александр Любимов, знаменитый биолог, который жизнь свою провел в борьбе с Лысенко. Варя Шкловская, Женя Пастернак, Нина Бялосинская, Сергей Аверинцев. Бывали в этом кругу Иосиф Бродский, Белла Ахмадулина, Лев Гумилев. И многие другие прошли через маленькую кухнюшку сначала в Лаврушинском переулке, в доме Шкловских, потом на Большой Черемушкинской улице, где друзья помогли Надежде Яковлевне купить однокомнатную квартиру. Помнится, когда в клубе "Кристалл" состоялся первый вечер памяти Надежды Мандельштам, большой зал, мест на триста, был битком набит, и при этом ни одного незнакомого лица.

На нашей "кухне" среди прочих обсуждались два очень важных вопроса. О свободе. Что это за понятие "свобода внутренняя и внешняя", только ли себе или и другому, стороннику или оппоненту тоже. Спорили — как существовать в свободе, которой никто из нас, тогда молодых, не видал.

И второй вопрос: кого считать интеллигентом. Осип Мандельштам клаясь в верности "четвертому сословию". Помните — "ужели я предам позорному злословью присягу чудную четвертому сословию". Нельзя же согласиться с Хаджикиевым, автором комментария к советскому одностопнику поэта, что "четвертое сословие" — это пролетариат. По Герцену, пролетарии и буржуа отличаются лишь тем, в чьих руках общественное богатство. А нравственно не разнятся и легко меняются местами. Мандельштам, хорошо знавший Герцена, не мог присягнуть социальному оборотню. "Четвертое сословие" находится в другом, нравственном измерении. Оно не столько существующее и оформленное, сколько осуществляемое, — и реальность, и идеал.

— Но что же все-таки делает человека интеллигентом?

— Этот вопрос все время ставил перед собой Мандельштам. И как ответ на него он выдвинул отношение человека к поэзии. В России она играет особую роль. Она будит людей и формирует их сознание. "Поэт затем, чтоб мир вертелся — ни царь, ни раб не ожи-

рел". За поэзию у нас убивают.

Стихи — вообще вещь непростая. Бог отделил свет от тьмы и к этому делу приставил поэта... Того, кто жаждет постичь: где он, с кем, для чего. И когда на все вопросы отвечает честно, получается поэзия. Когда нечестно — суррогат. Ахматова говорила, что человек, начавший с плохих стихов, т.е. с суррогата, отравлен на всю жизнь. Он для нормальной нравственной пищи погиб.

— Вопросы о свободе и об интеллигенции рассматривались на "кухне" Надежды Яковлевны Мандельштам как своего рода подготовка к гипотетическому будущему. И что же, готовы вы оказались к нему, когда оно настало?

— Да настало ли? Не вернее ли сказать: тяжело и мучительно настает. Оно — не декларация и даже не законы. А опознаем мы его по человеку (если хотите — народу), вернувшему себе человеческое достоинство.

К тому "гипотетическому" будущему мы готовы больше, чем к настоящему, когда слышишь, что "каждый за себя". "За себя" — свойство биологическое. А вот если не за свое, а за то, чем никогда не воспользуешься, — это не биология, это крепче. Человек, способный на такое, духовно увеличивается. Он тот дом, как сказал философ, что изнутри больше, чем снаружи. А для себя он готов к любому исходу.

Война — гадость, великая война — великая гадость. Но она никогда бы не кончилась, если бы не было там таких людей. Знаю не по рассказам две войны: Гражданскую (выселения, уплотнения, обыски, аресты) и Отечественную. Одна война в другой — российская матрешка. А в стороне от этой одеревенелой оболочки, примитивной, с неморгающими глазами, всегда была живая периферия. Это и "кухня", и котельные с работниками из бывших ученых, и церковные приходы с высокодипломированными батюшками, и литгруппы, студенческие и территориальные. Антиматрешечная периферия имела много "видов на жительство", форм существования. Перетекая из одной формы в другую, была в целом неуловима и в каждой части существовала с риском для жизни. Была резервом ГУЛАГа и средой, куда возвращались уцелевшие лагерники.

Как участник не только Отечественной, но и прежде всего Гражданской войны — она продолжалась всю мою жизнь, — повторю: она никогда не кончилась бы, если бы не было людей, готовых для себя к любому исходу.

— Как вам удалось издать крамольный альманах "Тарусские страницы"? Он был раскуплен в мгновение ока и стал не просто бестселлером, а настоящим событием общественно-культурной жизни. Помню, как спустя

Н.Панченко

двадцать лет после его выхода однокурсник одолжил мне на несколько дней бережно хранимую в семейной библиотеке книгу, официально подвергнутую опале...

— Были люди, способные на этот поступок. Альманах замыслился для того, чтобы прорвать госкомплотину на пути настоящей прозы и поэзии. Хотя бы ненадолго. Получилось. И за этот исторический миг к читателю пришли Казаков, Заболоцкий, Трифонов, Коржавин, Слуцкий, Корнилов, Цветаева, Окуджава, Самойлов и многие другие. И изменили точку отсчета.

— "Новый мир" и "Юность" в то время тоже шли на такие прорывы, но отнюдь не всегда им это удавалось.

— Легче было действовать в мало-замечном месте. Я работал тогда в Калужском книжном издательстве, вполне заштатном, и должен был выпускать областной альманах, издание полуграфоманское и никому, кроме его авторов, не нужное. Вместо него мы с главным редактором издательства решили выпустить районный альманах, спуститься (на совпартжаргоне) в глубинку, а район выбрали Тарусский, тесно связанный с московской литературной элитой. И обком нам сказал: молодцы, что спустились вниз. Но это был только первый шаг по нашему минному полю.

— А что, можно было взорваться?

— И не раз. Скажем, когда начальник обллита, посмотрев уже готовый сборник, заявил: "Нет, я не подпишу". Что делать? Пошел к нему Сладков, директор издательства, положил сборник и говорит: "Тенна-дий, ты не подписываешь как коммунист или как начальник обллита? Если как начальник обллита, то покажи инструкцию". — "Нет, как коммунист". — "Тогда ставь штамп, подпиши, надевай свои нарукавники и пиши письмо в обком". А пока он на-

девал нарукавники, мы добились у директора типографии круглосуточной работы всех цехов. Двое суток бегали с четвертинками от печатников к переплетчикам, чтобы успеть выпустить хотя бы первую партию, 30 тысяч экземпляров.

А потом грянул гром. Первым делом в калужской газете. Обллитторг отказался от тиража, но уже ехали машины из Москвы — почему-то по ночам, и мы тоже не спали, вместе с ними вывозили книги.

— Отчего же тридцать лет спустя, в условиях куда более благоприятных, вам не удалось издать второй выпуск "Тарусских страниц"? Я видела его верстку. И по авторскому составу, и по духу он — прямое продолжение той, первой книги.

— Прежде всего хочется повиниться. Первый сборник мы задумали в январе 61-го, а летом он был уже подписан к печати и вскоре вышел. Со вторым замешкались.

Но не в этом дело. В первом выпуске участвовали не только пролетарии, которым нечего терять, но и директор издательства, и секретарь обкома по пропаганде Алексей Сургаков. И тот же начальник обллита сопротивлялся так, чтобы его сопротивление можно было преодолеть. Их всех поснимали с работы. Они подорвались на наших минах. Мне стыдно перед ними, но в то же время я горд за них: они знали, на что идут. И сохранили со мною добрые отношения. С такими людьми я прошел Отечественную, и пусть с кем-то из них мы оказались на другой войне по разные стороны, я знал: они тоже готовы к любому исходу. Они были духовны, хотя в их духовности некто нечистый передернул карты.

Они из прошлого, как многие из нас, и из того гипотетического будущего, к которому мы готовились. А в настоящем, когда все чаще слышишь: "Каждый за себя" — зачем рисковать? И не жизнью ведь — лома-

ным грошом! Ради высоких целей. Литература — хорошо. Но копейка — вернее! И издательства одно за другим стали обывать с рук "Тарусские страницы": "Икпа", "Скиф", "Московский рабочий". Кто следующий?.. А может быть, все-таки наступит еще при нас — наше время. И наши надежды сбудутся.

— Выходит, по нынешним временам книжка оказалась некоммерческой, что означает — обществу не нужной. Прямо по вашим словам: "Простое дело — медный грош. А он не прост: он вынет душу..." Почему же мы пришли к такому грустному духовному итогу? Нет ли в этом и вины интеллигенции?

— Что вы имеете в виду — демократию или интеллигенцию? Это разные понятия. Среди демократов много людей неинтеллигентных, но среди настоящих интеллигентов, как правило, недемократов нет.

— Тот слой, которому и искалось определение на кухне Надежды Яковлевны.

— Сперва о пролетариате и буржуа. Когда они меняются местами и возникают — скажем про нашу страну — "новые русские", нравственности от этого в обществе не прибавляется. А еще я бы хотел вспомнить одну притчу. К святому подлетает голубь и говорит: "Спрячь меня, за мной гонится коршун". "Давай сюда, за пазуху". Тут появляется коршун и кричит: "Что ты делаешь? Это же моя пища. Вот-вот меня оставят силы, и я погибну". Тогда святой разрывает грудь, вынимает сердце и отдает его коршуну. Понимаете, демократия — еще не тот голубь, ради которого надо разрывать грудь. Демократии в разных странах и в разные времена были очень неоднозначны, как принято выражаться. Ведь не случайная фраза, что как социальная система демократия очень плоха, но ничего лучше человечество еще не придумало. А о русском народе можно сказать, что он не хуже любого другого. Если его можно было подвинуть на сталинский фашизм, то Гитлер сделал это с куда более цивилизованным народом — немецким. В Австрии, как кто-то говорил, нельзя поставить пушку, чтобы не уперлась дулом в один университет, а лафетом — в другой. В России же можно было поставить много пушек между, например, Казанским и Томским университетами. Русский народ долго находился в яме, в то время как другие шли по более-менее приличной дорожке, вот и обошли нас.

Что же касается интеллигенции русской, то она всегда была очень высокого уровня. И не случайно Ленин последними словами ругал интеллигентов. Они — именно те люди, которые готовы разорвать свою грудь и вынуть сердце. Как это случилось с Алексеем Адамовичем в буквальном смысле, когда после инфаркта он пришел на суд бороться за писательскую собственность. Как случилось с Сахаровым и многими менее известными нашими современниками. Мы уходим, салютуя разрывом сердца, примерно так писал Михаил Дудин.

— Или как писали вы сами, "бой, грянув, творит и не ждет! Но есть у меня беззащитное сердце, и это меня подведет".

— Но Виктор Шкловский сказал в свое время очень точно: не надо забивать гвозди самоваром. Интеллигенция не для того существует, что-

бы решать вопросы драки, где совсем другие законы, где нужен политический опыт. Он помогает установить справедливость — разумеется, относительную. Когда наши танки вошли в Чехословакию и Свободе предложили возглавить правительство, он, согласившись, заявил, что исходит из политической реальности. Тогда как интеллигенция не исходит из политической реальности, из того, что называется выгодой. Простой справедливости ей, хотя это очень важно, недостаточно. Ей хочется жить не по справедливости, а по истине. Вот по истине надо отдать сердце коршуну, чтобы сохранить голубя.

— Сейчас в большой моде теория: интеллигенция сойдет со сцены и, ее место займут интеллектуалы.

— Это чушь. Интеллигент — понятие нравственное, а интеллектуал — чисто, так сказать, мыслительное: "умница", да еще образованный. Интеллектуал, как и демократ, может не быть интеллигентом.

Интеллигенция наша прекрасна. И если этим самоваром не забивать гвозди, то будущее у России не хуже, чем у других стран, а может быть, и благоприятней. Но при существующем — опять же вернемся к реальности — уровне нашего населения оно не изберет сейчас в свои вожаки представителей интеллигенции. Да они и не годятся для этого.

— Вы упомянули Сахарова и Адамовича. Они из тех людей, с кем связывались надежды на заре перестройки. Потом на этой же волне выдвинулись Гайдар и другие реальные политики. А затем оказалось, что первые виновны в том, что натворили вторые. И разве действительно не несет интеллигенция ответственности за тех, кто под ее знаменами пришел к власти?

— Обокрала нас советская власть, а Гайдар и его команда только сообщали, что не деньги в руках у нас, а бумажки. А в преступлениях советской власти, конечно, виновата и интеллигенция, хотя и пострадала от этого больше других. Не раз и не два она клоннула на коммунистическую наживку. На высокие слова, за которыми не последовало высоких поступков.

Да, несет ответственность, и больше других... Больше других "ведла, что творит". Не сразу сообразила. Но, и сообразив, большей частью оставалась "советской". А теперь оправдывается, вместо того чтобы покаяться.

— Каково ваше личное отношение к покаянию?

— Личное я точнее выражаю в стихах:

Я не пишу —
мне только б записать!
И я стенографирую бездарно
О том, как брата
блудного спасать,
Неся притом
издержки благодарно.
Спасать того, кто мерзко виноват,
Чья подлость
не искупится могилой.
О, Господи,
не я ли блудный брат?
Спаси меня
и, может быть, помилуй.
Вот так. Добавить мне к этому —
ничего...

Беседу вела
Елена КОЛЬОВСКА